

Серик БАЙХОНОВ

АЛТАЙ – РУБИКОН

Этно-роман

Продолжение. Начало в № 8–9, 2024.

Глава четвертая

НА ПРИВАЛЕ. КАЗАХ, ПОХОЖИЙ НА КЕНТАВРА

1

Степные гуси летели обычно очень высоко, будто касаясь своими крыльями серых весенних туч и занимая полнеба своим длинным растянутым

клином, но сейчас, пускаясь наперегонки и пытаясь опередить друг друга, стремительно неслись вдоль гор, оглашая окрестности своим гортанным криком.

– На озеро... на Зайсан спешат. Судя по тому, как они сильно торопятся, это к непогоде, – заметил прапорщик Роборовский.

И тут же, как бы в подтверждение его слов, к белесым вершинам голых гор прикочевали тучные стада черных, как смола, облаков.

Еще одна серая гусиная стая, летящая с севера, не достигнув перевала и круто повернув на юг, устремилась в узкое ущелье и спряталась в его густых зарослях.

– Если я что-то в этом смысле, то не на Зайсан они летят, а прямоком на Иссык-Куль, – прищурившись, сказал Пржевальский, провожая взглядом гусиную стаю.

Роборовский, боясь блеснуть своим знанием птичьих повадок и тем самым нечаянно обидеть Пржевальского, решил, что ему лучше бы переменить тему разговора, чтобы не нарваться на неприятности. И всё же не удержался:

– Несмотря на то, что вы не безразличны к Иссык-Кулю, на этот раз вы ошибаться изволите, Николай Михалыч... Обычно степные гуси да журавли и лебеди побаиваются высот Алатау. Им хоть и дальше, но безопаснее будет, обогнув Сауыр и Тарбагатай, пролететь через Джунгарские ворота на Нарын. А там и до Индии рукой подать. Представляете, чтобы вырастить потомство, они преодолевают территории трех больших стран. Да, трех стран. И каждый год так, каждый раз... Да, они, птицы, счастливее нас, потому что не признают границ.

– Прапорщик, я знаю, что вам нравится всё английское и что к Индии вы равнодушны. Однако было бы хорошо, чтобы вы сами как гражданин России и благочестивый подданный белого царя не отождествляли себя с перелетными птицами, не признающими границ, – сказал Пржевальский, плохо скрывая раздражение.

Помощник, не только всю молодость посвятивший изучению птиц, но и неплохо знающий характер своего начальника, смекнул, что лучше сейчас промолчать, а не то потом исправить ошибку будет трудно. Не найдя выход из сложившейся неловкой ситуации, чтобы не нарваться на длительные нравоучения, он повернулся и пошел к месту ночевки каравана...

Первые исследователи Средней Азии (в центре Пржевальский)

Вторую неделю они шли через горы и леса. Далеко позади остались вершины Горного Алтая, покрытые белыми шапками вечных льдов. Их маленький караван вот уже несколько дней не мог достичь цепи пологих гор, еле видно подрагивавших вдаль сквозь полупрозрачное марево. Скальный голец, сиротливо возвышавшийся в стороне от отрогов лысых гор, был похож на перевернутый казан. Со стороны посмотреть – ни дать ни взять будто кто-то тащил его домой через горы, пока, устав, не бросил в степи.

«Весьма похож на метеорит, упавший из космоса», – подумал Пржевальский. Хотел высказать это предположение вслух, но, предугадав лишенный романтики ответ помощника: «Какой метеорит, это же обыкновенные залежи драгоценных металлов», отказался от своего желания. Послушать Роборовского, так выходит, что алтайские недра – это только кладезь природных сокровищ и ничего больше. Хорошо, если бы он лишь один так думал, но ведь такого мнения придерживаются, к сожалению, многие. У них на уме только открытие месторождений цинка и меди, чтобы, построив рудники, быстрее начать их добычу, а там, глядишь, можно наткнуться на столь желанные, манящие к себе, ласкающие взор золото и серебро. Да не только они одни. Вон на северных склонах Алтая англичане копошатся, как мыши; все горы изрыли-перерыли в поисках залежей золота. А к юго-западным склонам Алтая им не подступиться: там, в предгорных плодородных долинах и ложбинах, прочно осели русские переселенцы. Англичане с присущей им, как и некоторым другим европейцам, непомерной алчностью просто бесятся от их близкого соседства.

«Не видать вам нашего Алтая!» – и от этой мысли на душе Пржевальского стало как-то радостно и тепло. Дальнейшая судьба Алтая, несомненно, должна быть в руках России. В общем, это его первоочередная задача... да, задача. Никто из его спутников ни сном ни духом не ведает об этой его цели, да и знать о ней им незачем. Даже такие помощники, как Роборовский, которые критически, а порой скептически оценивают каждый его шаг, и те вряд ли догадываются. А может быть, знают? Но тогда откуда и от кого?

Путешественник объехал весь караван и еще раз внимательно осмотрел место, выбранное проводником для ночного привала.

Главным достоинством бивака являлось то, что он с тылу был прикрыт отрогами высоких гор и находился на некотором возвышении, что открывало отличный, как на ладони, обзор всей раскинувшейся перед ними долины. Караван остановился, и люди стали разбирать тюки с поклажей. С открытой стороны площадки по большому кругу уложили верблюдов, привязав их один к другому за шею. Ни дать ни взять – живая изгородь. С внутренней стороны этой импровизированной изгороди установили коновязь, к которой казаки привязали своих верховых лошадей. Поставили палатки. Как-то спокойнее на душе, когда люди находятся среди выюков с грузом, поставленных возле белых походных шатров и юрты.

Всё правильно, так и должно быть. Спокойствие зависит не только от правильно выбранного места, но и от людей, привыкших во время похода к армейской дисциплине, искушенных тяготами и невзгодами дорожной жизни. Пржевальского всякий раз искренне удивляли армейские (да, именно армейские) и житейские навыки и знания проводника. С другой стороны, такая сноровка, казалось, не могла быть присуща простому туземцу-степняку. Путешественник знал: любой человек, кем бы он ни был, преображался, надев погоны. Вот и он сам по сути человек служивый, но в глубине души и по велению своего сердца – человек сугубо гражданский. Изначально дух странствий всё время неистребимо звал его в дорогу. А также изначально он знал, что его призвание – изучить природу различных земель, исследовать жизнь и историю разных народов, проживающих на окраинах державы и за её границей. Много прошел дорог, много изучал, размышлял. Стало ли на душе легче от пройденного?

А вот проводник-казах, сопровождавший его еще во время первого путешествия на озеро Лобнор, которое находится по ту, восточную, сторону Алтайских гор, является собой совершенно другой тип человека. Три года прошло, а воспоминания еще свежи в его памяти. Тогда он, помнится, держал проводника под постоянным контролем, чтобы всегда был у него на виду. Многие привычки азиатов ему известны. Да вот, оказывается, не все... Если на миг потерять бдительность, особенно во время движения каравана, то иногда от авантюрных по характеру обитателей этих мест в любой миг можно ожидать всего, вплоть до вероломства. Так что надо быть начеку. Лишь только подвернется удобный случай, подведут в любой момент.

Почувствовав на себе взгляд, Пржевальский резко обернулся, и прапорщик Роборовский от неожиданности вздрогнул.

– Как думаете, каков по натуре наш проводник, насколько он надежен? – спросил Пржевальский, пытаясь окончательно рассеять свои сомнения.

– Про Алдиярыча говорить изволите?.. Этот малый чего только не умеет. Где только он всему этому научился, шельма... – ответил Роборовский, потирая тонкими, длинными пальцами кончик остренького носа. – Вот давеча слышал, как он говорил, что сегодня ночью будет поземка, а потом град вперемешку со снегом. И как узнал?.. Или во сне он всё это видит, как вы думаете, Ваше благородие? Прости, Господи.

Прапорщик перекрестился дрожащими, словно в ознобе, пальцами. Потом продолжил:

– Как вышли в путь-дороженьку, не перестаю удивляться вам, Николай Михалыч... Оставим в стороне ваше знание природы, но меня восхищает ваше понимание людской психологии...

Пржевальский и раньше замечал привычку своего помощника осенять себя крестным знаменем по поводу и без повода. Но на этот раз его немного покорила откровенная, совершенно безо всякого повода лесть. Он не совсем

понял, почему же сейчас столь странно повел себя его помощник, привыкший дорожить каждым сказанным словом.

Прямо перед ними, всего в каких-то пяти-шести шагах, проводник вдруг замешкался, завозился с жеребцом. Надо было видеть и оценить каждое движение степняка. Почти квадратный, крепкий в теле, словно вырубленный из тополя, кривоногий, коренастый казах шел враскачку, ковыляя, словно двигался по шаткой палубе корабля. Эх, ну и сравнил... нет в степи никакой шхуны, нет и палубы. Жизнь кочевников проходит верхом на лошади или между горбов верблюда, это и есть их судьба. Да, верхом на лошади. А когда останавливаются и сходят на землю, то качаются, смешно переваливаясь...

Пржевальскому почудилось, что есть что-то неуловимо похожее между жеребцом и его хозяином. Да... Ноги короткие, спина и шея как одно целое.

Разные живности, а есть внутреннее сходство. Каждый раз, глядя на казахов и их лошадей, возникали мысли о некоем внутреннем единстве, объединяющем коней и их хозяев. Наподобие кентавров... Пржевальский, как истинный светский человек, считал себя знатоком лошадей и женщин, да таковым, скорее всего, и был. Сколько перевидал он на своем веку чистокровных арабских, орловских и особо ценимых английских скаковых лошадей!.. С ними, конечно, нельзя сравнивать этого с прямой шеей коротконового жеребца. Европейские лошади с растекающимися гривами и развевающимися хвостами не подходят степнякам с их высокой посадкой. Этот коренастый конь, скорее, напоминает тяжеловоза-дончака, выращенного для хозяйства донскими казаками. Но у тех же казахов имеются скаковые кони – статные, высокие, у которых широкий, размашистый шаг. А с кем сравнить степных иноходцев? Это ж загляденье, а не лошады!

Пржевальский, заметив, что его помощник, пока сам он думал о лошадях, обиженно нахохлился, как лесная сова, спросил своего спутника:

– Видишь этого сивого жеребца? Как думаешь, какой он породы?

– Это не сивый, а чалый жеребец, Николай Михалыч, – ответил Роборовский и от своей неожиданной смелости осекся, даже закашлялся, потом добавил обиженно: – Откуда я могу знать... С первого взгляда не похож ни на монгольскую низкорослую, ни на казахскую с широким крупом... Но вы же знаете, что я лучше разбираюсь в птицах и травах, а в лошадях я – сущий профан.

– Монгольская, говоришь?.. Ты раньше-то хоть раз монгольских лошадей видел? Может, это самая настоящая казахская порода, черт меня побери?!

– Никак нет, Ваше благородие, монгольских коней не видел. Но разве не на монгольских лошадях наши русские ездили? Прости, Господи.

– Историю, кто на ком ездил и куда ездил, это вы, прапорщик, знаете, пожалуй, лучше меня...

Пржевальский усмехнулся, довольный своим каламбуром. Уж кто-кто, а он как никто другой знал и монголов, и породы их лошадей. Полагал, что знал об этом даже больше других. Но вот откуда идут предки этих самых монгольских лошадок?

Готовясь к походу на Тибет, Пржевальский десять лет, так сказать, не покладая рук, подробно изучал всё, что имелось в библиотеках Санкт-Петербурга касательно Средней и Центральной Азии. Особенно запомнились, просто впились в память, записки одержимого ценителя лошадей, китайского путешественника Чжань-Цзяня, который в поисках «рожденных из огня коней» прошел северные склоны Тянь-Шаня, излазил окрестности реки Или и описал земли юэчжей, то бишь древних усуней.

Еще... серые жеребцы, очаровавшие Вильяма Рубрука во время его путешествия в ставку Хубилай хана... Сохраняющие традиционную чистоту породы

арабские скакуны... Потом скаковые английские жеребцы. Орловские рысаки. Затем ахалтекинские скакуны... за ними... За ними лошадь Пржевальского.

Вдруг подумал, что если сейчас он бы вслух сказал это, то его всезнающий, особенно сведущий в птицах помощник, пожалуй, помер бы от удивления: «Лошадь Пржевальского, говорите?.. Какая такая еще лошадь Пржевальского?»

Но разве у того жеребца не была такая же мощная шея и короткие ноги? Если корпус был не более, то все стати этой лошади наблюдаются и у сивого жеребца проводника экспедиции. Самое интересное... может быть, этот коренастый жеребец коренастого же казаха и есть то переходное звено от дикой лошади к домашней, которую он ищет по всей Азии второе десятилетие?

Дикая лошадь... Каждый раз, собираясь в очередной поход, в новую точную экспедицию, в нетерпении, в волнении, не считаясь с хлопотами, Пржевальский ждал встречи с этим чудом природы – дикой лошастью. Разве поймут люди, что, бросив, не жалея, высокие должности, убежав от возможностей и благ европейской цивилизации, он преодолевал каменные перевалы и дальние дороги с одной только мечтой – найти этот неуловимый дар природы, волшебную дикую лошадь. Разве поймут его люди?

Люди таковы, что будут восхищаться необычной расцветкой мертвой шкуры, пылящейся на полках музея, и не вспомнят о нем, о первопроходце, первооткрывателе Центральной Азии Николае Пржевальском. Но может быть, хоть одному из них захочется взглянуть, потрогать руками исчезнувшего в далекой дымке забытых времен скакуна? Может быть... Он обнаружил новую породу лошадей, но кто сейчас об этом знает? И чем имеющие славную родословную, благородные Пржевальские хуже Орловых?

«Железный путешественник», – именовали его коллеги. В такие минуты он с сожалением думал об ухудшающемся с возрастом здоровье. Возможно, пришло время прекратить гоняться за неуловимым призраком, подать в отставку, жениться наконец, провести остаток жизни в кругу семьи, в занятиях, имеющих какой-то конкретный, осязаемый результат.

Вот и высокопарные слова, витиевато-приторно сказанные помощником, сегодня пришлось ему явно не по душе. Хотя тот всё-таки настоящий ученый, несмотря на молодость, хорошо воспитан, вежлив с каждым, с кем имеет дело, и этим нравится людям; а с виду прапорщик холоден, вроде неприступен, в душе – загадка. Если кто и способен найти общий язык с проводником казахом, то, думается, это Роборовский.

– Нет, что ни говори, это не простой конь! – раздраженно, чуть ли не в сердцах, бросил Пржевальский помощнику.

– Это вы про лошадь проводника, Ваше благородие?

– Дался вам Мырзек! Я про жеребца. Понимаете?!

– Простите, Ваше благородие. Конечно... разумеется, понял, Николай Михайч. Благослови, Господи!

По заросшей травой старой тропе, не спеша, вдвоем они начали спускаться к стоянке. Помощник по армейскому уставу шел впереди.

Хорошие характеристики из департамента внешней политики – это, конечно, неплохо. Но перед самой экспедицией Пржевальский и сам провел маленькое дознание. И здесь узнал много нового о своем помощнике: происхождение его было достойно полученного им образования. Такие, как Роборовский, были благородными не то что в семи, а в семидесяти поколениях славных предков. Пращур его происходит из рода одного из первых пророков. В племени его были энергичные, доблестные люди, которые бились с последователями последнего пророка кочевых арабов, а затем рассеялись по всей земле... Люди,

которые, несмотря на бесконечные гонения, сохранили не только свой язык, но и веру, и духовную стойкость.

2

Пржевальский понимал, почему проводник-казах, обычно спокойный, если даже скалы вдруг стронутся с места, и глазом не моргнет, и бровью не поведет, сегодня суетился без меры. Осторожность – это хорошо, но в дальнем и трудном путешествии единственный среди них, кто чувствует природу как самого себя – это проводник, и его деловитость, интуиция сейчас были весьма полезны.

Подъехав поближе, увидел, что Мырзеке, притащив барана с жирным, как чан, курдюком, уже успел связать его веревкой по трем ногам. Потом, не обращая никакого внимания на окружающих, не оглядываясь на русских офицеров, взгромоздился на него, как на лошадь, прижал ногами его загривок, вытащил острый ножик и коснулся его лезвия разок-другой указательным пальцем, убеждаясь в том, что инструмент в порядке. После этого, отложив ножик в сторону, сложил ладони перед собою в молитве, прося у господина прощения за невольное убийство: «Аллһумба һаза минка... уа илайка инна слауати... уа нуски... уа маһйаи уа муммати лиллаһи... Раббу-л-лаламин ла шарика лака... уа бизилика амарта... уа инна аууалул муслимин... аллаумба такабул минна һазалудһия...» Побормотав это себе под нос, вытянул руку с боевым ножиком и резко полоснул по горлу барана. Ни тени жалости к животному не промелькнуло в глазах проводника, не дрогнула его разящая рука. Не то что смерть скотины, а и смерть человека ранее у Пржевальского не вызывала сильных эмоций, а здесь почему-то заняло за грудиной, у самого сердца. «И где только находит наш Харитон таких, черт его задери, живодеров... Сохрани бог встретиться с этим башибузуком-казахом где-нибудь в пустынной местности».

– О чем бормочет этот громила? – спросил Пржевальский у наблюдавшего всю эту сцену толмача-татарина.

– По-арабски... да, по-арабски говорит, Ваше превос... не-нет, Ваше высокоблагородие.

– Переведите. Даже если сказал он по-китайски. Это приказ!

– «Это мое жертвоприношение, я и вся моя жизнь и даже моя смерть – всё в руках Аллаха всемиростивейшего и милосердного». Что-то вроде этого, – поспешно перевел толмач-татарин.

– «Мое жертвоприношение» говорит, шельмец... Словно пригнал этого барана из собственного аула.

Проводник, прежде казавшийся медлительным, каким-то инертным, склонившись над безжизненно распластанной и окровавленной тушей, сейчас быстрыми, привычными движениями разделявал барана. Собрав свою увесистую клешню в кулак, он запустил её между тушей и шкурой и буквально за секунды содрал шкуру с животного. Не успели невольные зрители и глазом моргнуть, как баран был почти полностью разделан: передние ноги отдельно, огузок отдельно, ребра отдельно – всё как и положено. Ощущалась выучка человека, всю жизнь занимавшегося забоем скота.

Почувствовав запах готовящейся пищи, поближе к ним подтянулась группа скучающих казаков, до этого стоявших в карауле. Подойдя, они окружили татарина и стали спрашивать его:

– Что за пир? Это в честь чего праздник-то, а, татарин, объясни?!

– Это называется жертвоприношение путника. У мусульман есть такой обычай – перед дальней дорогой или перед началом восхождения на сложный перевал приносить жертвоприношение.

– Хороший обычай, однако...

– А я-то думаю, чего это в последнее время вокруг нас много этих басурман крутятся...

Соскучившиеся по разговору за целый день трудного пути, казаки с интересом наблюдали за сноровистыми движениями казаха-проводника. Желая, наверно, еще больше подзадорить смеющихся казаков, толмач повернулся к Мырзеке:

– Они хотят знать, за какое время ты можешь разделать барана?

– Что ж ты, паскуда, врешь. Думаешь, я не понимаю по-русски, тещу твою разэдак... Хочешь, сейчас возьму и тебя рядом с этим бараном положу?

Толмач-татарин вздрогнул, не ожидая от проводника столь грубых слов угрозы, но, понимая, что это всего лишь шутка, испуга своего не выдал.

– А что, Мырзеке, ты разве пробовал раньше резать людей?

– Разумеется, поганец!.. Но вот таких, как ты, худых да тощих, еще резать не приходилось, тещу твою за ляжку.

Тут толмач испугался на самом деле и даже отпрянул в сторону. Казаки поняли, о чем те говорили, поэтому, увидев на лице толмача испуг и растерянность, покатались со смеху. Не обращая совершенно никакого внимания на потешающихся над татаринком казаков, проводник, даже не усмехнувшись, отсек огромным своим кинжалом приличный кусок курдюка, запихнул его в рот и, быстро прожевав, проглотил. Просунув толстую руку к внутренностям барана, он вырвал одним движением гортань и легкие и бросил их тобету, лежавшему неподалеку и не сводившему с него глаз. Пёс, лениво поднявшись на ноги, брезгливо понюхал кровавое месиво и снова отвернулся. Охотничьи собаки, завистливо повизгивавшие в сторонке, бросали на проводника полные злобы взгляды, но близко подходить остерегались. Некоторые из них, набравшись смелости, подбирались чуть поближе, однако подойти вплотную не решались, явно боясь пса-тобета, растянувшегося недалеко во весь огромный рост.

– Так о чем это я бишь... тещу твою в дышло... а, когда снимаешь шкуру с грудинки, берешь за вот этот нижний надрез, зацепляешь, делаешь прямой надрез вот отсюда и соединяешь их вместе вот таким образом. Потом выбираешь этот сустав и... – Высвободив сустав, он неожиданно бросил его тобету. Полевнившийся даже встать с места ради внутренностей, тот раскрытой пастью на лету поймал брошенную ему кость, с хрустом разжевал её и проглотил к изумлению присутствующих.

– Эй, ты что творишь?! Мяса и так мало... так ты еще собаке его выбрасываешь, – взвился истерично толмач-татарин.

– Ты что, баба какая-то, чтобы жрать задницу, кровь твою итить. Да... о чем это я? Совсем мне мозги засрал... А дальше берешь за нижнюю часть колена, делаешь надрез и отделяешь заднюю ногу. И так теперь по окружности обрезаешь курдюк, тогда легче будет снимать всю шкуру. Да... если будем говорить о шкуре... – При этих словах он ловко, одним движением сдернул её, встряхнул пару раз и положил рядом с тобетом. А умный пес встал и как законный владелец взгромоздился на нее.

Казаки одобрительно воскликнули:

– Во! Вот это по-нашему! Старый, но боевой парень!

Дожевав курдюк, проводник повернулся к толмачу-татарину:

– Придет время, у неверных научишься, как убить человека, а резать скотину – невелика наука, ничего сложного. Вот смотри, тещу твою за ногу! Когда перерезаешь горло, кадык должен оставаться у головы, если же он останется у шеи, то потом тебе будет трудно вытягивать глотку и пищевод. Вот смотри, вот так это делается!

И с этими словами диковатый проводник быстро подступил к татарину и попытался огромными своими пальцами ухватить того за горло. Татарин от ужаса неуклюже попятился и упал на пятую точку.

– А когда снимаешь шкуру, делаешь прямой надрез от самого горла до грудины и соединяешь его вот с этими надрезами... Надрезаешь сухожилия на передних ногах, чуть ниже вот этого сгиба, и отделяешь... И задние ноги так же... Потом делаешь круговой надрез вокруг зада... И тогда никаких проблем со снятием шкуры не будет... Тебе когда-нибудь собачьей шкурой голову обрачивали, а, подлиза, тещу твою в дышло?! – сказал он и сделал выразительный жест вокруг шеи.

– Э-ей, для чего вам моя голова, батыр? Скотина скотиной, а лучше скажите, как быстро вы можете зарезать человека? – проговорил толмач. Голос его при этом сильно дрожал. Конфуз был полный.

Казак, наблюдавшие эту сцену, весело хохотали.

– Человека... Человека, говоришь, подлиза? А вот так, хватаешь его за кадык, резко дергаешь вниз, и всё. Что, испугался? Мое дело – хлыст и дубина. Я – простой пастух, и всего лишь смотрю за скотиной... Ты что, думаешь, я неверный какой, чтобы человека резать, болван? Барана могу зарезать, не знаю за сколько времени. А вот лошадь или верблюда, пока вскипит молоко, успею не только зарезать, но и разделать.

– Сам? Один?! – удивился татарин.

– А что тут такого? Или ты хотел подержать ногу той лошади, которую я буду резать? А, подлиза?!

– Интересно, сколько это времени – пока не вскипит молоко?

– Можно сказать, пока не подогреется вода для омовения.

– А сколько времени нужно, чтобы подогреть воду для омовения?

– Э, да на тебя посмотреть, тещу твою за ногу... ты и вправду поменял веру отцов и дедов на религию неверных. Если бы знал это раньше, дорогой мой попутчик, я бы повез тебя в татарскую мечеть по дороге в Кокпекты, и там бы отрезал твое лишнее место под брюхом.

Проводник-казак, сильно разозленный вопросами толмача, не выдержал, и в его руке сверкнул кинжал.

Казак, пытаясь предотвратить беду, бросились между ними, разнимая...

Проводник, слегка смятый ими, спрятал нож и расхохотался во всё горло. Эхо гулко отозвалось в горах.

Лишь после этого, поняв, что проводник пошутил, засмеялись и казак, поднимая своим богатырским смехом вечернее небо. Смех смехом, но не многие поверили, что за время, пока вскипит молоко или пока подогреется вода для омовения, можно не только зарезать, но и разделать лошадь или верблюда.

– Когда мы были на Лобноре, было еще интереснее, – сказал толмач, возобновляя беседу. – Если хотите, могу рассказать.

Казак, похохатывая, согласился выслушать его. До ужина было еще далеко.

– Ну так слушайте... Это было в позапрошлом году, а точнее, в прошлой экспедиции на Лобнор. В то время казахи, живущие с той стороны кордона, громко обсуждали весть, что на Зайсан приехал Мырзаш-батыр. Что ни день – гостинцы, что ни день – режут барана. До отвала наевшись мяса и напившись кумыса, между делом пропуская пиалу-другую араки – калмыцкой водки, не уставали снова и снова обсуждать происходящие события. По их разговорам сразу было видно, что половина – головорезы, а другая половина – конокрады. Не зря ведь говорят: «Рыбак рыбака видит издалека». Вот на одной из таких вечеринок какой-то урянхайский сорвиголова, услышавший о подвигах нашего

«батыра», при встрече кинулся его обнимать, как будто встретил родного свата. И ну приставать к нему с вопросами: «Как лучше увести из табуна коня?», «Как и где лучше спрятать?» Это было похоже на то, как обмениваются опытом бывалые мастера разбойного дела... Так этот урянхайский вор не поверил словам Мырзаша, который сказал: «В своей жизни я угнал не меньше тысячи голов», и тем самым подлил масла в огонь: «Неужели хозяева этой тысячи ходили вокруг своих кибиток и хлопали себя по ляжкам от собственного бессилия?» Видели бы вы, как разозлился наш батыр. Мы, грешным делом, подумали, что он в гневе порежет всех вокруг.

– А ты где был в это время?

– Как где?.. Неужели ты думаешь, что я сидел и ждал, как агнец на заклании, когда меня отправят на тот свет? Мигом в штаб побежал, конечно, чтобы предупредить. И если бы не наш начальник, не миновать бы тогда большой драки...

И как бы оправдываясь перед Пржевальским, который посмотрел на него недобрый взглядом из-под кустистых своих бровей, заискивающее заглянул ему в лицо.

– А дальше... что дальше-то было? Ну говори, давай. Не томи, – начали причитать казаки.

Татарин, немного помучив их, посмотрел в сторону исходившей паром туши сырого мяса и продолжил:

– Да пусть меня постигнет кара божья, если я вру... Его высокоблагородие тогда был судьей, его слово положило конец всей ссоре. Если не верите, можете спросить у него самого.

Увидев, что начальник от таких слов немного, вроде, подобрел, повеселел, татарин дал волю своему языку:

– Вы, наверное, поняли, из-за чего началась та ссора. Это просто невозможно – увести из-под носа хозяина живого коня, да еще за такой короткий промежуток времени... На следующий день мы всей толпой выехали на окраину села. Вы же знаете, что собой представляет Лобнор? Голая степь, а вокруг ни одного дерева, ни кустика... Так вот, как мы и договаривались, Мырзаш сел на своего жеребца, привязав к луке седла молодую кобылицу, и поскакал в степь. Мы наблюдали за ним, пока он не превратился в крохотную точку на горизонте, и вскоре его не стало видно вообще. Когда прошло около получаса, мы, как и договаривались, с криком и шумом бросились в погоню. Оказалось, что он всё же не успел уехать от нас далеко, и вскоре мы настигли его. Нашли мы его под кустом караганника, где он лежал, подложив под голову седло. Стреноженный жеребец его мирно пощипывал траву, а в ведре, что висело над костром, источая аромат, варилось свежее мясо. Кобылки, что была привязана нами к его седлу, не было и в помине. Урянхайцы чуть ли не на брюхе ползали в поисках кобылы, но та как сквозь землю провалилась. Не то что сама кобыла, и следа её никто не смог найти. Ближе к вечеру, уставшие от бесполезных поисков, все, кто искал пропажу, вернулись. К этому времени мы с Мырзашем накрыли богатый дастархан. Собравшись, все вместе поели мяса, напились дараки и вернулись в аул.

– Дарака? А что это такое?

– Арака – калмыцкая, дарака – кыпчакская водка, арги – это монгольская...

– Интересно... Это что получается, и у татар есть своя?

– Татарская водка – скорее всего, самогон...

– Да ну тебя, у тебя только самогон на уме. Ты лучше расскажи, что стало с той кобылой? Она что, испарилась, али черт её прибрал?

– Да я откуда знаю, куда она исчезла.

– Врешь, татарин, врешь.
– Признайся, что хоть чуточку врешь...
– Да ну вас... Если не верите, спросите у Его превосходительства.
– Отставить! Сколько раз я тебе говорил, не «превосходительство», а «благородие». Вы тоже хороши. Но в этот раз татарин говорит сущую правду.

И хотя сказано это было с раздражением, Пржевальский, усмехнувшись, отвернулся от людей и отошел в сторону. Привыкшие к тому, что молчание его означало согласие, казаки только поцокали языками от удивления.

– Интересно... Так что, Мурза вернул кобылу урянхайцам али нет?
– Ага, жди. Вернет он, как же... На нет и суда нет. Пропала та кобыла, пропала. Ищи ветра в поле. Позже я всё пытался узнать у него, куда все-таки он её дел. Не сказал... Побоялся, наверное, делиться со мной своим секретом.

– Так ты что, тоже промышлял этим ремеслом?

– А то. Да если бы вы знали... Когда я жил в Казани... В Казани...

Увидев, что начальник направился к своей юрте, толмач-татарин оборвал рассказ на самом интересном месте и вместе с прапорщиком пошел вслед за ним. Верный оруженосец, денщик Харитон, словно тень, шел позади Пржевальского.

3

Судя по тому, что говорил проводник, им придется несколько дней задержаться на этом месте. Не сегодня, так завтра в горах может пойти дождь со снегом. И тогда по ущелью пройдет сель. Если всё произойдет именно так, то подниматься в горы опасно. Мощный поток воды и грязи сметет всё на своем пути.

Услышав про это, дотошный прапорщик вмешался в разговор. Он, как всегда, хотел знать истинную причину.

– А откуда он это знает, наш проводник? Ему что, сорока вести на хвосте приносит? Почему вы у него не спросили?

– Да спрашивал, конечно. Но ничего из сказанного им не понял. «Если кони бьют копытом землю, обеспокоены, не стоят на месте, а верблюды часто храпят, то быть метели...» или: «у меня к непогоде всегда поясницу прихватывает, шею ломит...» Бред какой-то. Вы, наверное, заметили, что проводник в дороге, едва увидит лисью нору или медвежью берлогу, сразу же опускает в нее прутик и начинает щупать пальцами землю. По-моему, он предсказывает погоду по поведению животных, по листьям и прочим признакам, которые ведомы ему одному... В прошлый раз, помнится, он бормотал: «После такой суровой зимы, которая была нынче, будет засуха. И все переселенцы, что прибыли в наши края, не выдержат, перемерут от голода». Услышав это, я настолько был удивлен, что даже слова вымолвить не смог. А сегодня он сказал: «Ночью будет сильный ветер». Вы заметили, что сегодня вокруг нас не роится мошкара, как бывало обычно?

Как только разговор коснулся мошек, прапорщик подумал про себя: «И вправду, мошкары как будто и не было в помине... Интересное явление для науки. Что ни на есть народная метеорология, сильно развитая у народностей Востока, в частности, у тех, кто населял Тибет. Не мешало бы, пока они в пути, улучив момент, подробнее поговорить с проводником. Даже не мешало бы всё записать».

Послышался раскатистый, словно гром, хохот казаков да трубный голос коренастого проводника. Он пел, подыгрывая себе на домбре: «...Где же мой красавец, белоногий конь... стелившийся в полете...»

– Что они там гогочут? О чём поет этот шельмец?

– «Где же моя лунолика... стелющаяся подо мной в постели... или в полете...»

Толмач-татарин приложил руку к уху, вслушиваясь, и тоже хохотнул:

– Да всё как обычно... быстрых ищут кобылиц, подразумевая под этим девиц. Вы же знаете, стоит им, этим казахам, набить брюхо, как начинают импровизировать...

– Какие кобылицы?! Какие девицы?!

– Говорит же, «стелющиеся в полете». Не те, что скачут, как заведенные, не иноходцы, а «стелящимися» они называют обычных рысаков.

– Странно... Эти черти окаянные ведь раньше не признавали других лошадей, кроме иноходцев.

– Что имеем, не храним, потерявши – плачем, это ведь они так говорят, Ваше благородие...

Гортанный голос проводника набрал силу. Похоже, орал он уже во всё горло... Кажется, степняк, возомнив себя настоящим певцом, решил показать всё свое вокальное мастерство, начав новую песню: «Когда, загнав коня-я-я, чтобы увидеть лишь тебя-я-я, я приска-ка-ка-ал в ночи-и-и... Не веря ни-ко-му-у, пришла ко мне са-ма-а-а-а... м-и-л-а-я- м-о-я-а-а...»

– Это точно, девиц ему подавай... Не одну, много девиц. Да еще лучше не простых, а тех, что сами приходят. Звать-то не надо. По-вашему... точнее говоря, по-нашему, женщин легкого поведения...

– Какие еще к черту женщины?! Ты кому это тут заливаешь? Да он же про коня поет, придурок.

– Так точно, Ваше благородие... О коне, а потом и о женщине. Вы же знаете, эти степняки никогда не слезают с коня. По мне, так они и по большому ходят с лошади.

Пржевальский знал, что, когда речь касается женщин и лошадей, этот каналья-проводник выказывает удивительную осведомленность. Вот только этот неотесанный, грубый на язык казах почему-то не всегда склонен к своим соплеменникам.

Пржевальский задумался. Он и раньше подозревал, что в вопросе отношения к женщинам степняки не похожи ни на единоверцев-арабов, ни на турков, с которыми у них общий язык. Ему не раз приходилось гостить у уссурийских сородичей казахов, которые пасут оленей и которые не всегда запрещают своим женщинам вступать с гостями в интимную связь, а эти чрезвычайно ревнивы не только по отношению к соплеменницам-молодахам, но даже и к одиноким вдовам.

– Почему они так ревнивы к своим женщинам, а татарин?

– Так ведь они за своих будущих жен деньгами... не-нет... приличным количеством скота расплачиваются. Как же такую жену не беречь, не ценить, Ваше благородие?

– Говорят, в основном во время военных походов в жены они пленных женщин берут? Это так, татарин?

– Так точно, Ваше благородие! Они их делят по жребью, а вот женщин из своего племени в жены не берут. За девушек же из других племен платят выкуп деньгами, нет-нет, лошаадьми.

– Выходит, что платят выкуп? То есть покупают, как на базаре. Да, на базаре... Как её там звали? Да, кажется, Марфа, так он её... в обмен на лошадей...

– Если не ошибаюсь, он хочет её взять бесплатно, Ваше благородие...

Пржевальский расхохотался. Толмач-татарин уставился на него с раскрытым от удивления ртом...

Они оба знали, что казахи никогда не женятся даже на дальних родственниках вплоть до седьмого колена. Своих же сестер и дочерей они лелеют и балуют, потому как знают, что те после замужества за человека из другого пле-

мени покинут их дом навсегда и окажутся на другом конце необъятной степи. Как же не похожи они были ни на копошащихся в земле обитателей земель по ту сторону Алтая, ни на европейцев, которые уже были знакомы с такой наукой, как генетика. Зная об этом, Пржевальский всё же не мог понять, почему туземцы, так сильно почитающие лошадей, с такой легкостью отдают их за женщину, которая пришлось им по сердцу. Всё оказалось на самом деле очень просто... Говоря их же словами, как же не относиться с трепетом к своей жене, доставшейся ценой таких жертв...

Прожив чуть ли не половину жизни в походах по азиатским землям, среди таких вот татар и казахов, путешественник считал себя знающим, как ему казалось, практически всё об их жизни, о быте и даже о том, что они думают. Действительно, о чем еще можно мечтать, живя вот в таких бескрайних степях? Насытившись мясом молодого барашка, запив его шубатом и кумысом, о чем еще может грезить степняк, как не о хорошем скакуне и не о красавице жене? Уж кто-кто, а они знают цену лошадям и толк в них... Если конь, то обязательно скакун благородных кровей, если сокол, то только самый зоркий и дерзкий. Потом... Что ни говори, и в женщинах они толк знают. Лошади и женщины. Что, в самом деле, нужно мужчине, настоящему джигиту? Пржевальский начал мерить огромными шагами и без того маленькую юрту. Мысль, которая пришла к нему, была неожиданной и долгожданной. Это было похоже на прозрение... Лошади, которых он видел, были не игреневыми и не пятнистыми, все они были светлого окраса...

Именно так. Исходивший вдоль и поперек практически все пески и горы Средней Азии, он всего лишь два раза видел диких лошадей. И то мельком. А ведь в науке признаются лишь точные факты. И что бы тогда сказали его соратники, узнай они истинную правду, и то, что шкуру дикой лошади он получил в подарок из рук проводника-казаха? Естественно, «что написано пером, не вырубишь и топором». Тогда вряд ли стоило писать об этом...

Пржевальский молча стоял возле сундука. В один момент ему захотелось открыть его, вырвать лист из дневника и уничтожить его, однако, когда досада на себя самого прошла, он не стал трогать злосчастную бумагу. Можно было стереть часть текста... Но и этого он не стал делать, а лишь перечеркнул крест-накрест только что написанное. Время еще есть. В конце концов, он всё еще в походе, а не за столом в кабинете. В этой экспедиции, в этом походе, на этот раз он должен поймать пусть не взрослую особь, хотя бы одного жеребенка дикой лошади.

4

Всё, что предсказал проводник-казах, сбылось точь-в-точь. Ближе к ночи погода стала портиться. Порывистый, холодный северный ветер начал играть с юртой, словно она была бумажной, едва не вырвав колья, к которым она была привязана. И, судя по силе и скорости ветра, это была настоящая буря. И не просто буря, с легкостью перемещающая пески в пустыне, а та, что с невероятной силой вырывает вместе с корнями даже вековые сосны и лиственницы в горах. Но сквозь завывание ветра и грохот кухонной утвари из шатра казаков слышались раскаты хохота. Наверное, очередной анекдот толмача вызвал их смех. Мерцало пламя фонаря, при котором Пржевальский делал свои записи, не обращая внимания ни на шум ветра, ни на отвлекающий хохот и восклицания подчиненных ему людей. Слушая песни неугомонного ветра, он несколько минут листал свои заметки. «Здесь даже существует семь названий бури. Степная буря... Снежная буря... Песчаная, Красная, Черная, Белая, Пестрая бури. Почему именно семь?»

Помнится, когда с этим обратился к своему помощнику, его ответ был прост: «Черный цвет по-ихнему означает смерть» – это значит, по-нашему – «смертельная буря»...

В своих путешествиях по степям и долам Пржевальский заметил, что казахи с трепетом относятся к магическим числам. Всё, что они видят, всё, что передается у них из поколения в поколение, имеет свое число. Самое интересное, что, даже готовя пищу, они опять-таки обращаются к определенным числам. Семь дней, семь месяцев, семь слоев неба. Они используют числа, значение которых ему никак не удавалось понять. Семь родов, семь общин, семь племен.

Однажды он обратился к прапорщику, который кропотливо срисовывал наскальные рисунки: «Прапорщик, а вы не знаете, почему казахи делятся то на семь, то на три?» – «Насколько мне известно, когда-то они называли себя семью огузами с тремя стрелами... В последнее время называют себя Алты Алаш – Шестью Алашами. И, судя по этому, я подумал, что они более благоволят числу шесть, нежели числу семь, Николай Михалыч». – «А где же тогда седьмой?» – «Если я правильно понял ход их мыслей, седьмым могут быть или татары, или же калмыки. А возможно, даже монголы... Да и зачем вам забивать голову подобным? Всё, что я только что сказал вам, это всего лишь научная гипотеза, Ваше благородие...»

Еще в прошлый раз Пржевальский обратил внимание, что его помощник внешне похож на азиата. Были в нем некоторые, едва уловимые черты... Он чуть не спросил его: «А ведь и для вас число шесть имеет особое значение?» – однако вовремя сдержался и промолчал.

Пржевальский уставился на цифру семь, крупно написанную им на одном из листов дневника. Когда и где он вывел её на странице, он не помнил. Положив тетрадь обратно в сундук, он лег отдохнуть. После длительного дневного перехода, едва голова коснулась подушки, он заснул крепким, богатырским сном и впервые за последние дни вдруг увидел сон...

Во сне он бродил в одиночестве по берегу горного озера. Вода в этом озере была чернее вороньего крыла, такого цвета были и горы, обрамлявшие со всех сторон озеро. А он, босоногий, шел по щиколотку в песке. Вдруг оказалось, что это не он бредет по песку, а подпирающие своими рогами свод небесный огромные быки. Они с треском и грохотом тянули за собой иссиня-черные скалы... Семь быков... Почему семь?.. Именно с этим вопросом он и проснулся...

Первое, что почувствовал Пржевальский, едва открыв глаза, так это тишина. Уняв бешено колотившееся сердце, он посмотрел на колышущийся шанырак шатра и прислушался. За пределами юрты не было ни звука. Он знал, что подобная тишина – затишье перед опасной бурей, и холодок пробежал по его телу.

Присев на кровати, пытаясь окончательно проснуться, Пржевальский помассировал лицо и осмотрелся. На войлочном коврикe, отражая лунные лучи, что падали сверху из отверстия в шатре, лежал его штуцер. Подтянув к себе винтовку, погладил её холодный затвор и окончательно пришел в себя. Когда он держал в руках оружие, то неизменно успокаивался.

Когда-то в далеком прошлом у него была почти такая же винтовка. Отец его и дед коллекционировали оружие. И не простые ружья, а инкрустированные серебром и с цевьем, изготовленным из ценного красного дерева. Его пятизарядный штуцер был надежным и незаменимым спутником и защитником во всех его последних путешествиях. Три года назад перед экспедицией на Лобнор на званом ужине в его честь немецкие друзья преподнесли ему в дар этот штуцер. С тех пор винтовка всегда была при нем.

Пржевальский не боялся людей, не боялся даже самого императора... Он боялся темноты. Это была болезнь, которая преследовала его с раннего детства. Хорошо, если бы этот недуг прошел так же, как проходит детство... Однако, как он понял позже, страх перед темнотой – это нечто иное, подобное страху перед черными тенями, которые заполняли углы его жилища. Едва путешественник закрывал глаза – перед его глазами вставали глухие стены. Именно эти белые стены начинали сжимать грудь и душить его словно тиски. И неважно, из чего эти стены – из бетона или мрамора. Эх, если бы кошмар его испарялся вместе с покровом ночи... Но нет. Город на Неве был полностью построен из камня и бетона. Его дом, место работы, тротуары, абсолютно всё, что окружало его, состояло из бетона и камня. Может, именно поэтому ему было душно и невыносимо тесно в каменном городе, и поэтому он выбрал вольные степи и неприступные горы?

Страх. Нелепый ночной страх. Странно даже, что человек, который не боится грохота камней в горах, диких зверей на волчьих тропах, испытывает страх перед темнотой и тишиной.

Лишь только Пржевальский собрался с мыслями, раздался едва слышимый звук, и путешественник встревожился. Он задумался о своем здоровье, которое в последнее время стало ухудшаться. В прошлое свое путешествие на Тибет ему пришлось вернуться с полпути, а всё из-за изжоги. Болезнь желудка вынудила его возвратиться в Санкт-Петербург. На обратном пути он не поехал привычной южной дорогой, его путь лежал через северо-запад, по землям, на которых жили народы, постепенно переходившие в подданство России... Он прошелся вдоль Иртыша, что беззаботно протекал по земле двух великих держав, и ничто не мешало реке, для нее не существовало ни держав, ни границ между ними. Остановившись для ночлега в укреплении, которое располагалось в устье каменных гор, Пржевальский затем продолжил свой путь, не зная, сможет ли в будущем вернуться, да и вообще успеет ли? Однако, слава Всевышнему, спустя год он всё же вернулся в эти края. И хотя, как и прежде, всё зависело только от него одного, чувство страха висело над ним как дамоклов меч, и от одной мысли, что он может совершить роковую ошибку, сердце его готово было выпрыгнуть из груди.

Пугало его то, что нынешняя экспедиция началась с неудачи. Март прошел в хлопотах и суете подготовки к экспедиции. Он поверил приметам казахов, которые были ох как суеверны. Он не учел того, что едва перенесший тяжелую зиму народ, словно луговая трава под косой, был подкошен выпавшим в апреле снегом. Куда бы он ни устремил свой взор, всюду были голод и смерть... Все были потрясены таким «подарком» природы: и русские солдаты, и казаки, что прятались в домах, лежа на теплой печи, и местные казахи, что едва волочили ноги от голода, единственной опорой которых был высушенный временем черный посох.

Еще ему стали мешать разного рода и масти чиновники. Не будешь же объяснять тому, кто ведал императорской казной, что для империи срыв или же задержка его экспедиции были чреватые большими последствиями и бедами для народов этой древней земли. Необходимо было поставить точку в проблеме раздела территории между Россией и Китаем.

И то, что они, люди из его экспедиции и он сам, не дождавшись середины апреля, двинулись в путь, было своего рода вызовом природе, обстоятельствам и политикам. Он один здесь, царский наместник Пржевальский, рискуя жизнью и здоровьем, делал то, что не смогли бы другие... Где он проходил со

своим караваном за тридевять земель от столицы, там по его следам кабинетные стратеги чертили линии на карте, обозначая границы. Да, границы...

Накинув на плечи китель, Пржевальский вышел из юрты. Подняв голову, устремил свой взор на небо. Оно было серым, звезды начинали гаснуть, и он с трудом отыскал на нем сверкающий серпик. Месяц едва только родился, казалось, что он, словно младенец, лежал в колыбели, опершись боком на одну из гор. Увидев это, подумал: «К добру ли это или нет? Надо спросить у проводника...»

Обычно караваны держались подальше от гор, и он в очередной раз удостоверился в том, что его проводник действительно знает толк и в выборе места для ночевки, и в приметах. В душе он был благодарен Алдиярычу, не забыв, однако, при этом поблагодарить и самого Всевышнего.

За спиной раздались шаги, кто-то кашлянул. Пржевальский обернулся и увидел рядом помощника.

– Я одного не могу понять: почему у этих казахов весь мир состоит из семи частей?

– А разве в Европе не так?.. – спросил в ответ Роборовский.

– Семь родников, семь рек, семь островов. Говорят, даже у Иртыша есть семь имен. Это еще что... оказывается, даже у бури есть семь названий.

– Но ведь и у русских точно так же... К тому же практически все народы Востока считают, что в каждом знаке и числе есть что-то магическое. Я почему-то уверен, что на Тибете мы с вами найдем достаточно ответов ко многим тайнам, что не дают покоя ученым всего мира, Николай Михалыч...

– Так называемую «черную бурю» мы уже видели. Интересно, а что же тогда они называют «пестрой бурей»?

– Вероятнее всего это то, что мы называем буреломом. По рассказам казахов, после нее деревья лежат вповалку. И хотя у них есть более ста наименований цвета, только слово «пестрый», вернее, понятие его, как цвет, имеет отрицательное значение. В общем-то, у них....

Пржевальский не захотел дальше слушать. Помощник его почему-то всегда хочет показать свои знания, словно без его научного объяснения другие люди не поймут, что в этом мире к чему. У него появился новый интереснейший вопрос. «А что, если народ, который разрисовал петроглифами скалы, оставив, таким образом, бесценную информацию своим потомкам, знал и секрет магических чисел?»

Прапорщик, видя, что начальник не желает его слушать, обиженно замолчал и пошел к себе досыпать.

Пржевальский остался один, разглядывая всё еще тонущие в сумраке окрестности. Ночь – тайна, а тайна, как правило, заставляет активно работать серое вещество в голове, и это просто замечательно. Еще перед сном он сделал запись в своем дневнике: «В последнее время передо мной открылся доселе неизвестный мне мир, совершенно непохожий на старую Европу! Да! Именно так, природа Центральной Азии – это само совершенство, дикий и неизведанный край, где каждый уголок и всё живое с враждебностью относятся к цивилизации». Именно так, и не иначе.

Цивилизация... Цивилизованная жизнь... Единственное, что его удручало, так это то, что, посвятив всю сознательную жизнь исследованию тайн природы, этого брэнного мира, он так и не познал сущность бытия. Какая разница между цивилизованными войнами и законами природного естественного отбора?.. Если посмотреть, то человек, который изобрел порох и динамит, явно превосходит природу. Если сильный человек уничтожает слабого, а образованный – неуча, то где тогда разница между людьми и животными?! И куда

деваться вот этим местным азиатам, которые живут... нет, не живут, а существуют, ибо их нынешнее положение схоже с судьбой зерна между двумя жерновами?..

Ночью, пока все спали, и он в том числе, ураган прошелся по горам, словно дикая орда...

Проснувшись, Пржевальский стоял как вкопанный. Разве бывают горы без единого кустика? Задав себе этот вопрос, он обратил внимание на то, что гора Сауыр, у подножья которой они остановились на ночлег, была совершенно голой. Та пара кустарников, что еще вчера росла на склоне горы, ночью была вырвана ветром с корнями. И, как сказал Роборовский, вчерашний сильный ветер – Бурелом, или, как называют местные казахи – Пестрая буря. И что было бы с ними, если бы они остались в лесу, а не разбили лагерь именно здесь, в укрытии под горой, под её навесом? А проводник-то не так прост, как кажется, ох как не прост... Теперь он был безмерно рад и благодарен казаху-проводнику за оказанную им услугу, за его прозорливость и опыт.

Убедившись, что снова вряд ли уснет, Пржевальский вернулся в юрту, достал дневник и начал записывать в него те мысли, что посетили его, когда он вышел из шатра. Писал он о природе Средней Азии, о гармонии, в которой жили с ней кочевники, об их сноровке и умении выживать в этих далеко не райских условиях. А затем, как обычно, начал записывать всё, что увидел в пути, к каким выводам пришел, что следовало бы всё рассмотреть более детально, с научной точки зрения.

«...Два шатра расположились у подножья горы, между ними лежали собранные в кучу вещи, рядом с ящиками и прочим скарбом спали дежурившие по двое казаки. Невдалеке лежали верблюды, рядом с ними расположились овцы, немного дальше стояли спутанные кони. После длительного и тяжелого перехода и люди, и животные сильно устали, все спали мертвецким сном. И лишь изредка всхрапывали кони, с шумом вздыхали верблюды или что-то говорили про себя во сне...» Он и вправду так написал: «Говорили верблюды...»

Перечитывая записи, Пржевальский подумал, что с его знаниями можно не только производить всякие расчеты, но и писать литературные произведения. И от этой мысли ему стало приятно. Всё, что он сегодня пережил, увидел, услышал и запечатлел на бумаге, вернуло его в состояние удовлетворения и покоя. Однако военная выучка давала о себе знать, и он заставил себя сосредоточиться, словно и не было того момента внутреннего покоя и удовлетворения. Сложив дневник в планшет, Пржевальский подумал о том, что неплохо было бы проверить караван и соратников, перед тем как они выйдут к переходам через Алтайские перевалы.

Продолжение в № 11, 2024.